

пуже пишину и общее вниманіе къ разскащику. Обыкновенно говорятъ о дѣлахъ изъ *дѣйствительной жизни*, а преимущественно о *современныхъ событіяхъ*.

Въ этомъ отношеніи Европа опличается совершеннымъ молчаніемъ при чтеніи газетъ и журналовъ; однако въ какомъ либо кабинетѣ для чтенія всякій читаетъ единственно для себя спашьи своего выбору. Тутъ хопя люди и собираются, однако нѣтъ между ними общесва: шутъ нѣтъ никакой мысленной связи между читающими, изъ коихъ одинъ внимаешъ описанію засѣданій палаши, бала, а другой описанію огурцовъ. Это молчаливое общесво изображаетъ пуже идею *разговора*, въ копоромъ пуже начинающъ съ соленія огурцовъ и оканчивающъ баломъ или медвѣжьєю пляскою.

Судя по этой пишинѣ въ обращеніи и видимому наружному спокойсвию, приписываемъ обыкновенно Воспочанамъ какое-то *безстрастіе* (Indolence) и даже *безмысліе*; намъ воображаетъ, будшо лучъ Божій не можетъ проникнуть сквозь толстую чалму или густую Болгарскую шапку: мы съ удовольствіемъ приучаемъ себя къ мысли, что мы единственно мыслимъ. Но Боже меня опаси посягаши на честь и права души безсмертной и разума человеческого въ какомъ бы то ни было народѣ!

Такимъ образомъ я замѣнилъ, что Задунаецъ, Турокъ-ли, Славяницъ-ли, въ свободное или послѣобѣденное время не предаешъ *безмыслію*; ш: е: жизни шолько прозвѣшальной (сирѣчь *сир*, храпѣнію) такъ обыкновенно и часшо, какъ нькошорые другіе народы. Онѣ